

Вадим Дамье

АТОМИЗАЦИЯ ОБЩЕСТВА И СОЦИАЛЬНАЯ САМООРГАНИЗАЦИЯ:

Российский контекст

Философ Эрих Фромм в ставшей уже классической книге «Бегство от свободы» обращал внимание на то, что индивидуализация человека в обществе имеет две стороны. Люди осознают себя самостоятельными социальными субъектами, действующими независимо от традиционных коллективных структур – общин, групп, кланов и иных сообществ. В то же самое время, происходит ослабление сложившихся веками социальных связей, которые основаны, в том числе, и на взаимопомощи[1]. Эти сложные и противоречивые явления в принципе характерны для современного индустриально-капиталистического общества.

Вот почему мне представляется более правильным ставить вопрос не о «приватизации» в социальном смысле слова (то есть, об «обращении к личному», к частным интересам), а последовательнее – об «атомизации» современного «массового общества». Его члены, как замечал Андре Горц, действуют как хаотически движущиеся частицы в термодинамике: «их действия приобретают известную связность через внешнюю результирующую, которая устанавливается в ходе рыночного процесса; но эта связность – результат случая. Она основана... на чисто статистических законах и тем самым не имеет ни смысла, ни цели»[2].

В потенциале эта тенденция ведет к разрушению общества как комплекса неформализованных социальных связей, основанных на взаимопомощи. Это признается и даже приветствуется апологетами рыночной экономики. Так, Фридрих Хайек предлагал вообще не употреблять термин «общество» применительно к современности. «Товарищество индивидов, поддерживающих тесные личные контакты, и структура, формируемая миллионами, связанными только через сигналы, исходящие от длинных и бесконечно разветвленных цепочек обмена, – образования совершенно разного типа, и одинаковое их наименование не только является фактической ошибкой, но и почти всегда мотивировано подспудным желанием создать расширенный порядок по образцу любезного нашим сердцам братского содружества»[3]. Хайек особо подчеркивал, что в такой структуре всеобщего рынка нет места для «маленьких архаических общин» и для коллективов людей, по-прежнему связанных узами некоммерческой взаимопомощи.

Социальная реальность современного мира, к счастью, не сводится к указанной тенденции «атомизации». К примеру, в современной Великобритании, по оценкам, 60% работы до сих пор выполняется безвозмездно и добровольно родителями, родственниками, соседями и т.д. Это своего рода «экономика даров»[4]. Соответствующие данные по России мне неизвестны; по всей вероятности, порядок цифр сопоставим. Следует, правда, иметь в виду, что по мере прогрессирующей коммерциализации услуг доля «корыстных» действий постоянно возрастает, причем в России это происходит стремительно. Что еще важнее, общие социальные последствия атомизации здесь, как представляется, более разрушительны, проявляясь в виде неспособности людей коллективно отстаивать свои нужды и интересы.

«Социальная пассивность»

Если попытаться оценить современную российскую ситуацию и выделить в ней наиболее существенное, то в глаза сразу же бросится зияющий разрыв между степенью социального недовольства и преобладающей неготовностью людей предпринять коллективные действия с целью изменения положения.

Обратимся к статистике, которая, при всей относительности конкретных данных, все же демонстрирует некие общие тенденции. В 1994 г., когда рыночные реформы и их последствия еще острее воспринимались общественным сознанием, от 80 до 90% населения России, по данным Института общероссийских опросов, считало ситуацию тревожной, кризисной или катастрофической, около 69% опрошенных признали, что их благосостояние значительно или «несколько» понизилось. Более половины населения ожидали дальнейшего ухудшения положения в предстоящий период. В то же время, лишь 2–3% опрошенных выразили готовность участвовать в митингах и демонстрациях протеста, 4–8% – в забастовках, 5–7% – в деятельности различных корпоративных организаций и гражданских инициатив. 7–14% были готовы обращаться в суд или

действовать через личные связи, 50–57% считали, что воздействовать на власть вообще бесполезно. Характерно при этом, что 85% ответивших на опрос считали, что лично их жизнь, несмотря ни на что, «в целом складывается»[5]. Очевидно, это могло означать только одно: большинство людей в той или иной степени восприняло неолиберальную идею о том, что исправить собственное положение можно только в результате индивидуальных или эгоистических усилий, прежде всего, коммерческого характера, готовности подвергаться увеличенной эксплуатации («крутиться») или даже эксплуатировать других. По опросам, в 1992 г. более 88% опрошенных хотели бы заниматься предпринимательской деятельностью. В 1994 г. их число упало до 30%, но и эта цифра весьма значительна[6].

Та же тенденция сохранилась в целом и в начале 2000-х годов, после 10 лет реформ. 40–50% опрошенных заявляли, что они скорее проиграли в ходе преобразований, чем выиграли; 80% считают положение кризисным или даже критическим. Но ставку люди чаще всего по-прежнему делают на индивидуальное выживание. Так, лишь 20% опрошенных заявили, что самым большим достижением реформ для общества в целом стала возможность неограниченных заработков, лично для себя этот фактор назвали самым главным 42% [7].

Статистика выступлений протеста, забастовок и других подобных акций подтверждает вывод о разительной социальной пассивности жителей России. Даже в периоды, когда невыплата зарплаты приобретала особенно массовый и продолжительный характер, протестные действия либо были преимущественно краткосрочными, либо организовывались почти исключительно чиновниками профсоюзов или политических группировок. В первые годы реформ, когда шла острая борьба между прежней советской технократией («красными директорами») и новой финансово-предпринимательской элитой, а также между центральными и региональными властями, немалое число выступлений протеста инициировалось или инспирировалось директорской или местной элитой, при чем зачастую эксплуатировались старые корпоративные мифы о единстве социальных интересов администраторов и трудящихся одного предприятия, одной отрасли и т.д. Профсоюзное руководство стремилось не столько организовать выступления, сколько ограничить их радикализм и уменьшить ущерб, наносимый ими власти имущим. Символические «дни протестов» и марши заведомо не могли оказать никакого серьезного влияния на политику властей. Стачки оказывались чисто местными или внутриотраслевыми, причем они почти никогда не выходили из-под контроля профсоюзного начальства. Иными словами, если люди и были готовы принять участие в коллективных действиях, они предпочитали, чтобы такие действия организовали за них другие. Наконец, практически отсутствовало такое явление, как забастовки солидарности.

Ниже мы разберем подробнее те редкие исключения из этого правила, которые стали нам известны. Пока достаточно будет констатировать высокую степень разрушения, атомизации и десолидаризации современного российского общества и задать вопрос: какими особыми причинами вызвано это состояние?

Первая волна атомизации

Представляется, что в минувшем столетии российское общество испытало, по меньшей мере, две последовательные волны атомизации. Они были связаны с резкими социальными переменами, которыми сопровождалось становление и развитие индустриального общества в России.

Первая волна накрыла общество при большевистско-сталинистском режиме. Ханна Арентс справедливо утверждала, что если в Германии тоталитарный режим нацистов стал, в известной мере, следствием общественной атомизации, то в СССР, напротив, это «массовое общество» было создано сталинским режимом[8]. С конца 1920-х – начала 1930-х и до конца 1950-х годов в России была уничтожена крестьянская община – форма жизни подавляющего большинства населения страны. На смену ей в сельской местности пришла огосударствленная структура колхозов и совхозов. Десятки миллионов людей принуждены были покинуть деревню: они были интегрированы в городское индустриальное производство и поселены в урбанизированной местности, утратив прежние социальные связи. В российских крупных городах, застроенных типовыми домами, большинство жителей плохо знают иногда даже соседей по подъезду. Мотором индустриализации служили гигантские предприятия, ставшие своего рода городской и огосударствленной заменой прежней сельской общины. С одной стороны, они выполняли значительные функции не только в производственной области, но также в социальной сфере и в области воспроизводства – медицинской помощи, организации отдыха и досуга, снабжения продуктами, уходе и т.д. С другой, эти структуры

были полностью подчинены государственному и партийному контролю, действовали жестко иерархически и формализовано.

Режиму, который стремился к тоталитарности, нужны были подданные, как можно более изолированные друг от друга. С этой целью предпринимались меры для того, чтобы как можно больше ограничить любые проявления неформальных, горизонтальных связей между людьми на основе семейного принципа, товарищества, взаимопомощи, добрососедства. Люди в идеале должны были взаимодействовать друг с другом через властную «вертикаль» и ее партийные или якобы «общественные» институты. Так, например, даже семейные конфликты нередко разбирались на заседаниях партийных комитетов или в ходе так называемых «товарищеских судов» на предприятиях. Система доноительства также призвана была научить людей бояться друг друга и не доверять никому.

Тем не менее, следует признать, что первой волне атомизации все же не удалось полностью разрушить российское общество. Сталинский тоталитаризм, несмотря на его крайнюю репрессивность, очевидно, не обладал достаточными средствами для того, чтобы бесповоротно колонизовать массовое сознание трудящихся СССР. Он проник в него в виде отдельных элементов, исказил, но не сумел до конца уничтожить проявления традиционных ценностей и связей. На крупных предприятиях происходила частичная регенерация горизонтальной социальности, основанной на чувстве сопричастности и товарищеской взаимопомощи. Многие рабочие жили в общежитиях при предприятиях или в домах, построенных для них теми заводами и фабриками, на которых они трудились. Они были связаны друг с другом на рабочих местах, а нередко – и по месту жительства.

Подобная неформальная социальная самоорганизация нередко обращалась против правящего режима и заключала в себе немалый потенциал сопротивления. Соответственно, протесты «советских» лет носили почти исключительно самоорганизованный и стихийный характер.

Хорошим примером может служить стачка рабочих в Новочеркасске в 1962 году, жестоко подавленная властями КПСС. Судя по воспоминаниям очевидца и участника событий Петра Сиуды, движение возникло спонтанно и исходило непосредственно с рабочих мест; трудящихся, по его словам, вел рабочий инстинкт» – люди шли из цеха в цех и к ним присоединялись другие работники^[9]. На такой же производственной основе возникали и другие стихийные рабочие забастовки «советского» периода.

Произвол властей, сочетавших в себе политические и экономические функции, часто становился тем стимулом, который мог заставить людей почувствовать общность своих интересов. Таковы, например, протесты против действий милиции в различных городах в 1970-х годах, или экологическое движение, которое охватило СССР, особенно после Чернобыльской катастрофы 1986 года. Вокруг стихийно возникавших почти повсеместно экологических гражданских инициатив сформировалось целое движение за гражданское самоуправление: в кварталах и микрорайонах городов созывались общие собрания жителей, на которых формировались собственные народные органы – комитеты самоуправления. Некоторые из них вплотную подходили к требованиям, которые мы могли бы охарактеризовать как идею суверенных прав жителей на той территории, где они живут.

Эта массовая самоорганизация в период «перестройки» оказалась, однако, очень быстро интегрирована в существующую систему и стремительно сошла на нет. Причину следует искать в отсутствии того, что могло бы быть названо «идеей-силой». Самоорганизованное население неплохо представляло себе, против чего следует выступать, но в массе своей не имело каких-либо ясных представлений о желаемой социальной альтернативе. Такие представления не были заложены в общественных структурах и нормах и не вытекали из них: здесь уже сказывался эффект первой волны атомизации, покончившей с русской общиной. Во почему социальное движение стало легкой жертвой противоборствующих фракций правящей номенклатуры, которые использовали его во взаимной борьбе, а затем способствовали его разрушению. Автор, которому в те годы довелось участвовать в экологическом движении в Москве, имел возможность наблюдать, как гражданские инициативы и их ведущие активисты приняли политическое руководство так называемых «демократических», рыночных фракций номенклатуры, все больше отказывались от собственных требований и лозунгов в пользу тех, которые выдвигались политиками, в обмен на ожидания, что те учтут в будущем их нужды. Позднее многие лидеры движения ушли «во власть». С другой стороны, «рядовые» участники инициатив разочаровались в коллективные действия, которые не принесли им

успеха. Они ощущали себя обманутыми и не верили больше в возможность чего-либо добиться. В результате общие собрания жителей переставали собираться, а комитеты самоуправления превращались в верхушечные органы, лишённые контроля снизу. Таким образом, социальные движения в России конца 1980-х годов вскоре «растворились» и перестали существовать. И тогда по разочарованному, дезориентированному и уставшему обществу прокатилась вторая волна атомизации.

Вторая волна атомизации общества

Это явление было вызвано стремительным переходом от патерналистского государственного капитализма к нынешней рыночной модели. Реальные факты показывают, что большая часть населения в значительной мере восприняла новые установки, призывающие к индивидуально-конкурентным жизненным усилиям (в том числе, коммерческим) и отвергают коллективистские ценности.

Приведу лишь несколько примеров в подтверждение этого тезиса. Автор имел возможность наблюдать и анализировать реакцию различных людей на быстрый переход к рынку и связанное с этим падение уровня жизни населения во много раз (особенно после «либерализации» цен в 1992 г. и последовавшей инфляционной волны). Очень многие, столкнувшись с колоссальным ростом цен, намного опережавшим средний рост заработков, стали выживать за счет огородов и земельных участков. Но это было делом сугубо индивидуальным. В то же время, практически не было серьезных попыток коллективного овладения пустующими землями или организации производственных аграрных кооперативов. Потребительские кооперативы, которые могли бы позволить значительно ограничить распространившуюся спекуляцию при перекупке и перепродаже продуктов и иных товаров, также были скорее исключением. Автору известна одна более или менее серьезно задуманная инициатива такого рода в Москве, но и она исходила от политических активистов (сторонников своего рода «кооперативного социализма») и потерпела неудачу.

Определенную склонность к ограниченным формам коллективной самоорганизации продемонстрировали различные национальные меньшинства, особенно переселенные на новую территорию, но связанные общностью происхождения. Так, известно, что турки-месхетинцы, бежавшие в Центральную Россию от преследований в Средней Азии и поселенные компактно, помогали друг другу строить дома и поднимать хозяйство. С другой стороны, значительное распространение получили группировки мафиозного толка, члены которых также были связаны общим происхождением. Здесь происходило известное по аналогичным структурам во всем мире переплетение элементов взаимопомощи с жесткой иерархической субординацией и агрессивным отношением к внешней среде. Собственно говоря, целью такой мафиозной взаимовыручки являлся именно коммерческо-конкурентный успех, иными словами факторы социальности носили в данном случае подчиненный характер.

Интересно, что то же самое произошло с таким традиционным для российского общества явлением, как «блат» или «знакомства». Речь идет о широко распространенной практике, когда пробившиеся наверх люди оказывают помощь и поддержку своим знакомым, родственникам, землякам или клиентелле в обмен на какие-либо услуги. С переходом к рыночной экономике эти взаимоотношения окончательно коммерциализировались, и ответные услуги стали почти исключительно денежными.

Итак, с выходом на первый план коммерческо-индивидуалистических ценностей завершается распад традиционного российского общества. Еще раз напомним, что этот распад носил особенно болезненный характер, поскольку происходил крайне быстро и сопровождался концентрированным насилием со стороны власти и господствующих социальных сил. Как верно заметил немецкий исследователь Роберт Курц, модернизации, осуществленные в России на протяжении всего лишь нескольких десятилетий, включили в себя преобразования, на которые в Европе понадобились долгие столетия (от сгона крестьян с земли, абсолютизма и меркантилизма, через индустриализацию и урбанизацию, вплоть до перехода к новейшей, неолиберальной фазе индустриального общества)^[10]. В ходе такой напряженной и мучительной гонки, да еще при постоянном подстегивании сверху было, очевидно, мало шансов для того, чтобы на место разрушавшихся структур коллективного действия пришли иные, причем такие, которые обладали бы достаточной устойчивостью и дееспособностью.

Более того, поскольку ни один социум не может существовать на основе неограниченной войны «всех против всех», западное общество на протяжении сотен лет формирования капитализма инстинктивно сохранило с докапиталистических времен или выработало механизмы амортизации, не

позволяющие ему окончательно рассыпаться. Российское общество менялось столь быстро, что такие механизмы не сохранились или не успели сформироваться, и оно оказалось совершенно незащитным перед лицом атомизации и распада.

Сопротивление и социальная самоорганизация

Перейдем теперь к явлениям иного рода, которые, напротив, свидетельствуют о сохранении определенного потенциала самоорганизации, латентно сохраняющегося в современном российском социуме. На сегодняшний момент очень трудно однозначно установить, следует ли оценивать его как последние остатки «старого» или же как зародыш какой-то новой социальности. Эти явления слишком изолированы и редки для того, чтобы сделать сейчас какой-либо определенный вывод.

Автору довелось на протяжении последних 17 лет не только участвовать в российских социальных движениях, но и изучать их. Поэтому предлагаемый обзор – отнюдь не исчерпывающий – можно надеяться, отражает наиболее существенные стороны происходящего.

Самоорганизованные протесты и коллективные инициативы в современной России, как я уже отмечал, являются редкостью. Тем не менее, мне удалось довольно близко наблюдать некоторые из них либо подробно беседовать с их участниками[11]. Картина вырисовывается следующая.

1. Рабочий комитет завода «Ростсельмаш» в Ростове-на-Дону, который в 1996 г. попытался организовать профсоюз «Рабочее сопротивление», независимый от официальных бюрократических профсоюзов и политических партий. Активисты стремились установить на своем предприятии рабочий контроль и воспрепятствовать расхищению оборудования администрацией. К концу 1990-х годов активисты движения были уволены с завода, работники которого были деморализованы массовыми сокращениями[12].

2. Выступление рабочих Ясногорского машиностроительного завода, продолжавшееся с конца 1998 г. до середины 1999 г. Борьба шла против невыплаты зарплаты и угрозы закрытия завода. Хотя на ЯМЗ существовал стачком, состоявший из членов официального профсоюза, но переизбранный самими рабочими, выступлением руководило регулярное общее собрание трудящихся – случай почти уникальный в современной России. Завод не работал, но был занят работниками, которые взяли под контроль склад готовой продукции и организовали охрану предприятия.

Ясногорское движение прекрасно высветило как силу самоорганизованных выступлений, так и трудности этой формы борьбы в современной России. Прежде всего, оно осталось изолированным от других категорий трудящихся города, и распространить его не удалось. Завод так и не был пущен под управление коллектива. Рабочие завода выживали за счет продуктов с огородов, некоторую часть которой приходилось везти на продажу в другие города, что отвлекало силы и время от организации охраны завода и от участия в собраниях. На вопрос, почему бы им не организовать вывоз продукции с огородов сообща, по очереди, рабочие отвечали, что чувствуют себя вместе и заодно только на заводе, на рабочих местах, но не по месту жительства (типичное явление для индустриального общества). В конечном счете, среди участников распространились усталость и апатия, все меньше людей стали ходить на общие собрания, и в конце концов к лету 1999 г. стачкому пришлось пойти на компромисс с администрацией. Правда, зарплату рабочие получили, но общие собрания больше не собираются[13].

3. Забастовки строителей–монтажников МУ-4 «Мосэнергомонтаж» в Москве весной 1999 г. Особенностью выступления можно считать то, что в нем участвовали приезжие работники, живущие в общежитиях и распыленные по различным строительным объектам и участкам. Это делало их борьбу более рискованной, но отчасти и сближало. Основным требованием была выплата зарплаты. Было решено не создавать официальный орган по руководству движением или стачком, чтобы не ставить активистов под удар – это старая, стихийно возрожденная общинная традиция, следующая элементарному здравому смыслу. Все решения принимались общим собранием протестующих. Требования рабочих были частично удовлетворены, половинчатый результат объяснялся трудными условиями борьбы (раскол между рабочими и ИТР, использование администрацией алкоголизма, государственный интерес к строительному делу в Москве). Инициатива исчезла после того, как наиболее активные участники разъехались из Москвы[14].

4. Протест водителей троллейбусов Саранска летом 2001 года с требованием повысить зарплату и своевременно выплачивать ее. Официальный профсоюз был против выступления. Стачкой руководило общее собрание работников, стачком решено было не создавать во избежание репрессий. Выступление закончилось неудачей, так как не было поддержано другим троллейбусным депо, а

контакты с водителями автобусов установлены не были. В апреле 2002 г. выступили водители второго депо, но на сей раз они не были поддержаны коллегами. Сказалась и общая атмосфера террора со стороны администрации. В частных разговорах рабочие признавали, что в городе имелись случаи физических расправ и убийств активистов, и никто не хочет становиться слишком «заметным»[15].

5. Забастовки рабочих «Завода имени Фрунзе» в Пензе в 2002 – 2003 гг. Поскольку администрация увольняла активистов, рабочие во время стачек общались с начальством «всем цехом», не избирая стачкома или делегатов. Действующий на заводе профсоюз «Соцпроф» никакой роли в протестах не играет[16].

Подведем некоторые итоги. Прежде всего, обращает на себя внимание то, что самоорганизация рождается из потребностей реальной борьбы за свои права. Она проявляется тогда, когда участники на своем опыте убеждаются, что «передоверить» борьбу некому – ни начальство, ни партии, ни профсоюзы их не защитят. Сама жизнь подчас подводит их к необходимости действовать самостоятельно и коллективно, что в ряде случаев действительно ведет к возрождению социального чувства у людей. Однако самого наличия кризисной ситуации чаще всего недостаточно для самоорганизации.

Второй вывод: элементы самоорганизации можно встретить там, где люди теснее общаются друг с другом и лучше ощущают коллективные интересы, например, на стабильных местах работы или в местах компактного проживания. К сожалению, в перспективе подобную привязку нельзя считать устойчивой. Крупные предприятия «советской» эпохи все чаще закрываются или резко сокращаются в размерах (эффект «деиндустриализации»), а территориальная общность (например, в отдельных микрорайонах или кварталах) удерживается обычно недолго – пока данная конкретная проблема стоит наиболее остро (после ее разрешения или неудачи попыток разрешить ее самоорганизация обычно исчезает). В то же время, аргентинский опыт «народных ассамблей» после 2001 года заставляет предполагать, что стихийное возрождение территориальной самоорганизации в достаточно серьезных масштабах вполне возможно.

Третий вывод: чувство солидарности в современной России, существенно подорванное двумя волнами атомизации общества, сегодня развито сравнительно слабо, даже там, где проявляются элементы самоорганизации. Свидетельством этому служит почти полное отсутствие выступлений солидарности с другими борющимися коллективами и трудности в налаживании связей с другими категориями работников или жителей, страдающих от той же самой проблемы.

Четвертый момент – большая роль, которую играет широко распространенный страх перед репрессиями. Его нельзя объяснить – как это нередко делается – воспоминанием о сталинском терроре, поскольку в период выступлений 1960-х и 1980-х годов эта память была еще более свежей. Не было и экстраординарных по масштабам массовых расправ над протестующими и в пореформенные годы. Разговоры с людьми заставляют предположить, что – помимо случаев индивидуальных преследований активистов – сказывается общая неуверенность в своем положении (в том числе, вследствие экономических трудностей, массовых увольнений, трудностей с поиском работы и т.д.), а также ощущение изолированности в борьбе. Иными словами, чем меньше людей принимают участие в выступлениях, тем больше опасений испытывают их участники. Дефицит солидарности порождает страх.

Характерно, что нередко именно этот страх перед репрессиями выступает в качестве стимула для выработки людьми «базисно-демократических» форм движения, поскольку равенство участников борьбы помогает обеспечить анонимность активистов.

И, наконец, последнее: так или иначе, но выбор исторических возможностей перед современным российским обществом невелик. Дальнейшее сохранение либо даже углубление десолидаризации может привести лишь к подлинной социальной агонии и законченной ситуации «войны всех против всех». Такая перспектива только усугубляет спираль деградации, поскольку те, кто обладают политической и экономической властью, становятся тем более жестокими в своих требованиях к обществу, чем меньше социального сопротивления они встречают. Другая возможность состоит в том, что Мюррей Букчин назвал самоорганизованным «восстановлением общества». Но этот путь, естественно, отнюдь не является автоматическим или запрограммированным следствием кризисной ситуации; он может открыться лишь по мере того, как сами люди научатся отстаивать свои права в борьбе.

-
- [1] Эрих Фромм. Бегство от свободы. М., 1990.
- [2] Andre Gorz. Kritik der okonomischen Vernunft. Berlin, 1989. S.56.
- [3] Фридрих Хайек. Преступная самонадеянность...
- [4] A Gift Economy: Notes on Alternatives to the Market // «Direct Action». 2001. Winter. No.21. P.6.
- [5] Россия в зеркале реформ. Хрестоматия по социологии современного российского общества. (Изд. Российского независимого института социальных и национальных проблем). М., 1995. С.9–11, 21
- [6] Там же. С.143.
- [7] Wladimir Petuchow. Zehn Reformjahre – Wiedergewinnung des Gleichgewichts // «Wostok. Informationen aus dem Osten fur den Westen». 2002. Juli – September. Nr.3. S.23.
- [8] Hanna Arendt. Elemente und Ursprunge totaler Herrschaft. New York, 1951. S.278.
- [9] См.: Новочеркасск 1–3 июня 1962 г. Забастовка и расстрел (на основе свидетельств очевидцев и интервью с П.П.Сиудой). М., 1992. С.35–36.
- [10] См.: Robert Kurz. Der Kollaps der Modernisierung. Vom Zusammenbruch des Kasernensozialismus zur Krise der Weltokonomie. Frankfurt a.M., 1991. S.57–58.
- [11] Разумеется, перечень самоорганизованных выступлений этим не ограничивается. Из самых различных частей России время от времени поступают сообщения о различных стихийных выступлениях – перегораживании улиц пенсионерами, протестах против отключения электроэнергии, экологических акциях и блокадах и т.д. В данном исследовании они не анализируются, поскольку у автора отсутствует достоверная информация о том, насколько они действительно являлись самоорганизованными или же происходили по инициативе местных отделений политических партий, официальных профсоюзов и т.д. В случае с экологическими протестами иногда действительно можно сказать, что здесь все еще играют роль местные социальные связи между людьми, проживающими на одной территории.
- [12] «Новое рабочее движение. Информационный бюллетень». 1998. Октябрь. №1. С.3–4; 1999. Февраль. №2. С.3-4; 1999. Апрель. №3. С.3; 2000. Август. №7. С.4-5.
- [13] «Новое рабочее движение. Информационный бюллетень». 1999. Февраль. №2. С.2-3; 1999. Апрель. №3. С.1-3; 1999. Сентябрь. №4. С.1-2.
- [14] «Новое рабочее движение. Информационный бюллетень». 1999. Сентябрь. №4. С.2-3.
- [15] «Новое рабочее движение. Информационный бюллетень». 2001. Сентябрь. №10. С. 2-8; 2002. Август. №12. С.1-4.
- [16] «Новое рабочее движение. Информационный бюллетень». 2003. Октябрь. №13. С.1.